
ИРИНА БИЛАРДИ
НИЧЕГО ЛИЧНОГО

Ирина Биларди

Ничего личного

«Литнет»
2026

Биларди И.

Ничего личного / И. Биларди — «Литнет», 2026

Я знаю, чем заканчивается доверие к мужчинам. Однажды они забирают часть твоей жизни, а потом уходят, оставляя тебя собирать себя заново. Поэтому у меня есть правило: никакой зависимости, никаких слабостей и тем более никакой любви.Но когда прошлое возвращается и ставит под удар всё, чего я добилась, помочь мне может только Макар.Мужчина, которому я не должна доверять.Мужчина, рядом с которым мне впервые хочется нарушить все свои правила.

© Биларди И., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. На мужиков нельзя рассчитывать 5
Глава 2 10
Глава 3 12
Глава 4. Общая территория 14
Глава 5 18
Глава 6 20
Глава 7 23
Визуализация 26
Глава 8. Долг перед отцом 28
Глава 9 32
Глава 10. Женщина из его прошлого 35
Глава 11. 38
Глава 12. 42
Глава 13. 46
Глава 14. Одно желание 50
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Глава 1. На мужиков нельзя рассчитывать

Мне было одиннадцать лет, когда я впервые поняла: на мужиков нельзя рассчитывать.

Это открытие не сопровождалось громом, разбитой посудой или маминым криком. Отец вообще не любил некрасивых сцен. Он всегда говорил, что любую проблему можно решить спокойно, если люди способны вести себя цивилизованно.

Поэтому сейчас он цивилизованно складывает рубашки в старый коричневый чемодан.

Аккуратно, одну на другую, разглаживая ладонью воротники, словно собирается не бросить жену с тремя детьми, а уехать в короткую командировку.

Я стою в дверях спальни и смотрю, как исчезают с вешалок его вещи. Серый костюм, который он надевает на важные встречи. Синий свитер, подаренный мамой на прошлый Новый год. Галстук с маленькими серебристыми полосками, который мы выбирали ему вместе.

В комнате светло. Мартовское солнце ложится на пол ровными прямоугольниками, и в его лучах кружится пыль. Всё выглядит настолько обычно, что мне хочется спросить, во сколько отец вернётся.

Но я слышу мамин голос из кухни:

— Олег, ты хотя бы объясни детям.

Отец замирает с рубашкой в руках.

Его плечи чуть опускаются, будто мама требует от него чего-то особенно тяжёлого и несправедливого.

— Что именно я должен им объяснить?

— Что ты уходишь.

— Я не умираю, Лена.

— Для них разница сейчас не очень большая.

Мама произносит это тихо. Я почти не узнаю её голос. Обычно она говорит быстро, смеётся, одновременно помешивает суп и ругает Антона за грязные руки. Сейчас каждое слово даётся ей с трудом.

Отец раздражённо выдыхает.

— Не драматизируй. Я буду приезжать. Помогать. Забирать детей на выходные.

Он произносит это уверенно, и мне на мгновение становится легче.

Я вхожу в комнату.

— А на мой концерт ты придёшь?

Отец оборачивается.

Кажется, только сейчас он замечает, что я всё это время стою в дверях.

— Конечно, рыжик.

Он улыбается своей красивой взрослой улыбкой, которой верят клиенты, продавцы и мама. Отец умеет улыбаться так, будто вокруг него существует правильный и понятный мир.

— Концерт через две недели, — напоминаю я. — В пятницу. В шесть часов.

— Я помню.

Он не помнит. Вчера спрашивал, почему я опять поздно пришла из школы.

Я всё равно киваю.

— Антону ты тоже обещал велосипед.

— Куплю велосипед.

— А Лёше комбинезон. Мама говорила, старый уже маленький.

— Инга, — резко произносит мама.

Она появляется в коридоре и смотрит на меня так, словно я делаю что-то неправильное. Её лицо бледное, под глазами лежат тёмные круги. Утром она ещё была обычной. Сейчас кажется старше лет на десять.

Я не понимаю, почему она меня останавливает. Если отец уходит, нужно сразу договориться обо всём важном. Я видела, как мама записывает расходы в клетчатую тетрадь. Еда, квартира, детский сад, школьные обеды. Всё должно быть учтено.

Отец закрывает чемодан.

Металлические замки щёлкают один за другим.

— Я никого не бросаю, — говорит он. — Просто мы с вашей мамой больше не можем жить вместе.

— Почему?

— Взрослые отношения иногда заканчиваются.

— А дети тоже заканчиваются?

Он хмурится.

— Не говори глупостей.

— Ты сам сказал, что вы больше не можете жить вместе. А мы живём с мамой. Значит, ты и с нами не можешь.

Мама закрывает глаза.

Отец подходит ко мне и кладёт руку на макушку. Его ладонь тяжёлая, тёплая. Раньше мне нравилось, когда он так делал. Сейчас хочется отступить, но я остаюсь на месте.

— Ты у меня умная девочка, — говорит он. — Ты всё поймёшь, когда станешь старше.

Я уже ненавижу эту фразу.

Взрослые произносят её, когда не хотят отвечать.

— Присмотри за мамой и мальчишками, хорошо?

Он улыбается, словно поручает мне поливать цветы.

Я смотрю на него снизу вверх.

— А ты?

— Что я?

— Ты не будешь за ними смотреть?

Улыбка исчезает.

Отец убирает руку с моей головы.

— Инга, не начинай.

Это тоже его любимая фраза. Её он говорит маме, когда она просит деньги, или спрашивает, почему он поздно пришёл.

Не начинай. Не порти вечер. Не устраивай сцен. Не делай вид, что проблема во мне.

Он берёт чемодан и выходит в коридор.

Антон сидит на полу в детской и собирает конструктор. Ему семь, но он уже понимает, что происходит что-то плохое. Лёша ничего не понимает. Он выбегает оттуда в колготках и растянутой футболке, цепляется за отцовскую ногу.

— Папа, ты куда?

Отец наклоняется, отцепляет его пальцы и гладит по волосам.

— По делам, чемпион.

— Я с тобой.

— В следующий раз.

— Сейчас.

Лёша начинает хныкать. Не громко, а жалобно, с придыханием, как делает всегда, когда устал.

Отец смотрит на часы.

— Лена, забери его.

Мама стоит неподвижно.

Тогда я подхожу, беру Лёшу на руки и прижимаю к себе. Он тяжёлый, тёплый и сразу начинает вырываться.

— Пусти! Я с папой!

— Папа торопится, — говорю я.

— Куда?

Я смотрю на отца.

Он уже надевает пальто.

— Туда, где ему удобнее, — отвечаю я.

— Инга! — мама впервые повышает голос.

Отец дёргает дверную ручку.

— Я позвоню вечером.

Дверь закрывается.

Лёша плачет у меня на руках. Антон сидит в детской, опустив голову над конструктором. Мама проходит на кухню и несколько секунд стоит у раковины, вцепившись пальцами в край столешницы.

Потом её плечи начинают дрожать.

Я никогда раньше не видела, как мама плачет, она закрывает рот ладонью, но из груди всё равно вырываются тяжёлые, рваные звуки. Она будто задыхается.

Лёша пугается и замолкает.

— Мам?

Она не отвечает.

Я опускаю брата на пол.

— Идите в комнату.

— А мама? — спрашивает Антон.

— У неё голова болит.

— Она плачет.

— Не плачет. Просто болит голова.

— Я вижу.

— Антон, уведи Лёшу.

Он смотрит на меня несколько секунд, потом берёт младшего за руку. В этот момент он впервые делает то, что я говорю, без споров.

Когда дверь детской закрывается, я подхожу к маме.

— Он вернётся?

Она отнимает ладонь от лица.

— Не знаю.

— Он сказал, что вечером позвонит.

Мама издаёт странный звук, похожий одновременно на смех и всхлип.

— Да, конечно.

Мне не нравится её ответ.

— Он обещал.

Мама смотрит на меня красными глазами.

— Иногда взрослые обещают то, чего не собираются делать.

— Зачем?

Она открывает рот, но ничего не говорит.

Я жду.

Мама всегда отвечает на мои вопросы. Даже когда устала. Даже когда я спрашиваю, откуда берутся дети или почему соседка тётя Оля живёт с мужчиной, который на ней не женат.

Но сейчас ответа нет.

Через три дня отец перестаёт брать трубку.

Через неделю хозяин квартиры приходит за деньгами. Он стоит в прихожей, стряхивая с ботинок мокрый снег, и говорит, что оплата просрочена. Мама краснеет, обещает всё отдать к пятнице, хотя я знаю: в её кошельке осталось несколько мятых купюр.

После его ухода она достаёт клетчатую тетрадь.

Садится за кухонный стол, считает деньги, зачёркивает цифры и считает снова. Я стою у плиты и слежу, чтобы молоко не убежало.

— Денег нет? — спрашиваю я.

— Есть.

— Сколько?

— Тебя это не касается.

— Хозяин сказал, что касается всех, кто здесь живёт.

Мама резко закрывает тетрадь.

— Иди делай уроки.

— Я сделала.

— Тогда проверь у Антона.

— Проверила.

— Инга, пожалуйста.

Она произносит это без злости. Только устало.

Я выключаю плиту и переливаю молоко в кастрюлю с кашей.

— Папа переведёт?

Мама отворачивается.

На следующий день она снимает обручальное кольцо. Я вижу светлую полоску на её пальце, когда она возвращается домой с пакетом продуктов.

Хлеб. Картошка. Крупа. Дешёвые сосиски. Лекарство от кашля для Лёши.

— Где кольцо?

Мама ставит пакет на стол.

— Отнесла в ломбард.

— Навсегда?

— Потом выкуплю.

Она врёт.

Не так хорошо, как отец. У неё дёргается уголок рта, и она не смотрит мне в глаза.

В тот вечер я лежу в кровати и слушаю, как Антон сопит на соседней подушке. Лёша спит с мамой, потому что у него температура.

За стеной работает телевизор. Мама включает его, чтобы квартира не казалась слишком тихой.

Я думаю о коричневом чемодане, о щелчке металлических замков и об отцовской ладони на моей голове.

«Ты у меня умная девочка».

Наверное, он прав.

Потому что в одиннадцать лет я понимаю то, чего мама не смогла понять за двенадцать лет брака.

Мужчина может говорить, что любит тебя.Может обещать велосипед, комбинезон, алименты и пятничный концерт.Может целовать в макушку и называть своей рыжей гордостью.А потом забрать чемодан, деньги и себя самого.

Любовь ничего не гарантирует.

Гарантируют только деньги, документы и возможность не просить.

Я поворачиваюсь к стене и даю себе обещание.

Я никогда не стану женщиной, которая продаёт кольцо, потому что мужчина решил начать новую жизнь. Никогда не буду стоять у окна и ждать звонка. Никогда не позволю человеку забрать с собой половину моей жизни.

И это правило не подводит меня следующие двадцать три года.

Глава 2

— Инга, ты меня вообще слышишь?

Я медленно перевожу взгляд с панорамного окна на мужчину, который сидит напротив моего стола.

Его зовут Денис. Или Дима.

На прошлой неделе я точно знала.

Он красивый, ухоженный и достаточно успешный, чтобы не спрашивать цену вина в ресторане. Мы встречаемся чуть больше месяца. Точнее, встречались.

До сегодняшнего утра.

— Слышу, — отвечаю я.

— И что ты думаешь?

Я откидываюсь на спинку кресла.

— Думаю, ты драматизируешь.

— Я драматизирую?

— Ты произносишь одну и ту же претензию уже двадцать минут. Это либо драма, либо очень плохая память.

Он резко встаёт.

Пиджак натягивается на плечах. Хороший пиджак. Жалко, что содержимое не соответствует упаковке.

— Я просто хочу понимать, что между нами происходит!

— Между нами происходят приятные ужины, хороший секс и периодические разговоры, которые раньше были значительно короче.

— Мы встречаемся больше месяца.

— Тридцать семь дней.

— Ты считаешь?

— Я всё считаю.

Он проводит ладонью по лицу.

— Я хочу нормальных отношений.

— Тогда тебе нужна другая женщина.

— Почему? Потому что я предложил провести вместе выходные?

— Потому что ты уже третий раз пытаешься поставить зубную щётку в моей ванной.

Он смотрит на меня так, словно я только что призналась в уголовном преступлении.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Инга, при чем тут моя зубная щётка?

— Сегодня зубная щётка. Завтра зарядка у кровати. Через месяц запасная рубашка в шкафу. Потом ты начнёшь считать, что имеешь право спрашивать, почему я поздно вернулась и с кем ужинала.

— Это называется близость.

— Это называется постепенный захват территории.

Он несколько секунд молчит.

В коридоре за стеклянной стеной мелькают сотрудники. Никто не смотрит в мою сторону, но я знаю: все слушают.

Моя команда умеет делать вид, что работает, когда руководитель избавляется от очередного мужчины.

— Ты больная, — наконец говорит Денис или Дима.

Я улыбаюсь.

— Возможно. Зато не заразная.

— Ты останешься одна.

Финальная реплика мужчины, который не получил желаемого.

Они все произносят её одинаково, с мрачным удовлетворением. Будто одиночество — это наказание, которого женщина обязана бояться сильнее, чем плохих отношений.

Я встаю, беру его пальто со спинки кресла и протягиваю хозяину.

— Я уже одна. Именно поэтому мне хорошо. Однако ты продержался тридцать семь дней. Неплохой результат.

Дверь за ним закрывается чуть громче, чем необходимо.

Я смотрю на часы: девять двадцать семь. Совещание через три минуты. Идеально.

Моя помощница Кира тут же просовывает голову в кабинет.

— Можно?

— Ты уже вошла.

Она проскальзывает внутрь, прижимая к груди планшет.

Кира работает у меня второй год и до сих пор иногда смотрит так, будто ждёт, что я укушу. Возможно, поэтому выполняет задачи быстрее остальных.

— Он очень расстроился, — осторожно замечает она.

— У него впереди целая жизнь, чтобы это пережить.

— Красивый был.

— Красота не является профессиональной квалификацией.

— Для мужчины может быть.

Я приподнимаю бровь. Кира мгновенно опускает глаза в планшет.

— По проекту «Корона» всё готово. Заказчик подтвердил финальную презентацию. В переговорной уже собираются.

Я беру со стола папку.

«Корона» — новый клубный квартал в центре Москвы. Девять зданий, закрытый сад, частный театр, сигарная комната, винные ячейки и цена квадратного метра, от которой у обычного человека начинается тахикардия.

Клиент хочет продать не квартиры. Он хочет продать принадлежность к кругу людей, которым не нужно объяснять, почему они имеют право жить лучше остальных.

Четыре месяца моя команда строит позиционирование проекта. Мы изучаем будущих покупателей, их привычки, страхи, браки, любовниц, образование детей и места, где они делают вид, что отдыхают от бизнеса. Сегодня заказчик выбирает агентство, которое получит контракт на полный запуск.

Моё агентство. Других вариантов я не рассматриваю.

— Конкуренты приехали? — спрашиваю я, поправляя манжету белой блузки.

Кира заминается.

— Да.

— Все?

— Почти.

Мне не нравится её лицо.

— Что значит «почти»?

— Вольский пока не приехал.

Я замираю с папкой в руках.

— Макар Вольский участвует в тендере?

— Его агентство добавили вчера вечером. Заказчик решил привлечь специалистов по кризисным коммуникациям.

Глава 3

— И ты говоришь мне об этом за две минуты до презентации?

— Письмо пришло ночью. Я переслала вам.

— В какое время?

— В два сорок семь.

— В два сорок семь я сплю.

Кира удивлённо моргает.

— Я думала, вы вообще не спите.

— Иногда впадаю в короткую кому.

Я выхожу из кабинета.

Каблуки чётко ударяют по светлому камню пола. Сотрудники расступаются, освобождая проход. Я чувствую знакомое рабочее напряжение, которое всегда возникает перед большой презентацией. Оно собирается под рёбрами плотным пружинистым комком и делает каждое движение точнее.

Макар Вольский.

Если он считает, что может ворваться в проект в последний момент и унести мой контракт, его ждёт разочарование.

Мы сталкиваемся на тендерах уже третий год.

Он специализируется на кризисах и считает, что любой бренд можно спасти, если найти правильного врага. Я создаю желание, а Макар продаёт страх. Я строю репутацию по слоям, он приходит с кувалдой и утверждает, что убрал лишнее.

Два года назад он увёл у меня клиента.

Год назад я забрала у него крупного девелопера после того, как публично доказала, что его стратегия приведёт к международному скандалу.

С тех пор мы здороваемся на мероприятиях так, будто каждый раз выбираем, где удобнее спрятать тело.

Я вхожу в переговорную. За длинным столом сидят представители заказчика, финансовый директор, два маркетолога и владельцы конкурирующих агентств.

Моё кресло во главе стола занято.

Макар Вольский сидит, развалившись на светлой коже, и листает мою презентацию. Его длинные пальцы спокойно переворачивают страницы, будто документ принадлежит ему. Тёмный пиджак расстёгнут, галстука нет, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. Вольский всегда выглядит так, словно только что вышел из чужой спальни или собирается разрушить чью-то компанию. Иногда одновременно.

Он поднимает глаза.

Взгляд скользит по моему лицу, рыжим волосам, строгому костюму и задерживается на ногах дольше, чем допускает деловой этикет.

— Инга Олеговна, — произносит он. — Рад видеть. Вы сегодня особенно кровожадно выглядите.

Я подхожу ближе.

— Встань.

В переговорной становится тихо.

Макар оглядывается по сторонам.

— Простите?

— Ты сидишь в моём кресле.

Он смотрит на спинку, потом снова на меня.

— Здесь нет таблички.

Я кладу ладони на стол и наклоняюсь к нему.

— Через минуту будет. С твоим именем и датой смерти.

В уголке его рта появляется улыбка мужчины, которому только что предложили интересную игру.

— Именно этого мне не хватало с утра, — негромко говорит он. — Рыжей женщины, которая угрожает мне до первого кофе.

— У тебя ещё есть возможность уйти за кофе и не возвращаться.

— Не могу. Я пришёл забрать контракт.

Я выпрямляюсь.

— Тогда придётся забрать себя отсюда ногами вперёд.

— Инга Олеговна, — осторожно вмешивается представитель заказчика. — Возможно, мы начнём?

Я не свожу взгляда с Макара.

Он медленно поднимается.

Блин! Какой же он высокий.. Или просто стоит слишком близко.

Макар делает шаг в сторону, освобождая кресло, но перед этим наклоняется к моему уху.

— Не привыкай побеждать, рыжая.

Его голос касается кожи горячей волной. Я поворачиваю голову и наши лица оказываются на опасно близком расстоянии.

— Ты опоздал на четыре месяца, Вольский.

— Иногда достаточно пятнадцати минут, чтобы разрушить чужую красивую конструкцию.

Я сажусь на своё место и открываю презентацию.

— Только попробуй.

Глава 4. Общая территория

— Попробуй, — повторяю я, открывая презентацию.

Макар не отвечает. Он откидывается на спинку кресла, кладёт перед собой мою папку и смотрит на экран с таким спокойствием, словно уже знает, где именно я совершу ошибку.

Это раздражает.

Ещё сильнее меня раздражает то, что выглядит он при этом слишком хорошо.

Тёмная рубашка подчёркивает широкие плечи, на запястье поблёскивают часы без вызывающего логотипа, но я прекрасно знаю их стоимость. Макар вообще умеет носить дорогие вещи так, будто не тратил на них ни минуты внимания. Ни тщательно подобранной небрежности, ни нарочитой демонстрации статуса. Просто мужчина, который привык получать желаемое и не проверяет, заметили ли окружающие цену его костюма.

Подобный тип самоуверенности обычно вызывает у меня профессиональный интерес.

В Макаре он вызывает желание столкнуть его вместе с креслом с сорокового этажа.

— Проект «Корона» должен перестать быть ещё одним жилым комплексом для людей, которым некуда складывать деньги, — начинаю я. — Наша аудитория давно не покупает квадратные метры. Она покупает подтверждение собственной исключительности.

На экране появляются первые визуализации: закрытый двор, исторические фасады, стеклянные переходы между корпусами и частный клуб, куда нельзя войти человеку без рекомендации резидента.

Я встаю.

Мне не нужен текст перед глазами. За четыре месяца я изучила этот проект лучше, чем некоторые люди изучают собственных детей. Я знаю, почему будущая покупательница выберет квартиру с окнами во внутренний сад, хотя вид на реку стоит дороже. Знаю, какой мужчина захочет винную комнату, даже если сам пьёт только виски. Знаю, почему наличие отдельного входа для персонала продаёт квартиру быстрее, чем итальянский мрамор.

— Мы не говорим покупателю: «Вы можете себе это позволить». Он и без нас это знает. Мы говорим: «Вы принадлежите к тем, кому не нужно ничего доказывать». Поэтому ключевая идея кампании — закрытость без демонстративной надменности. Не роскошь напоказ, а доступ к тому, чего нет у остальных.

Владелец проекта, Игорь Сергеевич Орлов, кивает. Финансовый директор делает пометку в планшете.

Макар молчит.

Я чувствую его взгляд, пока прохожу к экрану. Он не разглядывает слайды. Смотрит на меня. На то, как я двигаюсь, как держу пульт, как останавливаюсь перед столом, заставляя всех присутствующих поднять головы.

Я знаю этот взгляд.

Мужчины часто смотрят на меня с желанием. Иногда с опасением. Особенно умные быстро понимают, что первое не гарантирует взаимности, а второе вполне обоснованно.

Но Макар смотрит иначе.

Он оценивает.

Не платье, не ноги, не волосы. Меня как противника.

И от этого по коже проходит неприятная, почти болезненная волна возбуждения.

Я меняю слайд.

— Первая часть кампании строится не на рекламе, а на контролируемом дефиците. Никаких баннеров с бассейнами, семейными завтраками и обещаниями новой жизни. Мы открываем закрытый лист ожидания ещё до официального старта продаж. Первые сто приглашений получают люди, чьё присутствие само по себе становится рекламой.

— То есть продаём очередь, — негромко замечает Макар.

Я поворачиваюсь к нему.

— Мы создаём желание попасть в неё.

— Красивее сформулировано, но смысл тот же.

— Обычно смысл и является основной причиной, по которой люди нанимают профессионалов, а не тебя.

По столу пробегает едва заметное напряжение. Один из маркетологов опускает взгляд, пряча улыбку.

Макар лениво проводит большим пальцем по краю моей папки.

— Продолжай. Мне интересно, в какой момент появятся свечи, рояль и женщина в шёлковом халате, задумчиво смотрящая на Москву.

— Женщина появится, когда мы будем обсуждать твою целевую аудиторию.

— Моя аудитория хотя бы существует в реальности.

— В отличие от твоего чувства такта.

— Инга Олеговна, — сухо произносит Орлов. — Мы всё-таки хотели бы увидеть концепцию целиком.

— Разумеется.

Я возвращаю внимание к экрану.

Макар больше не перебивает. В этом даже есть что-то оскорбительное. Он просто слушает, иногда делает короткие заметки, и его лицо остаётся непроницаемым.

Я заканчиваю через двадцать семь минут.

На последнем слайде появляется фраза:

«Корона. Не место проживания. Положение».

Несколько секунд в переговорной тихо.

Я не тороплюсь заполнять паузу. Любая сильная презентация должна закончиться раньше, чем аудитория успеет устать от собственного восхищения.

Орлов первым кладёт ладони на стол.

— Сильная работа.

— Благодарю.

— Особенно закрытый лист ожидания. Это действительно может создать нужный ажиотаж.

Я киваю, не позволяя себе улыбнуться шире необходимого.

Макар захлопывает папку.

— Может, — говорит он.

Я медленно перевожу на него взгляд.

— Тебе дали отдельное время для презентации.

— Я не комментирую твою презентацию. Я отвечаю Игорю Сергеевичу.

— Тогда ответь после того, как тебя спросят.

Макар встаёт.

Он не берёт пульт. Не подключает ноутбук и не раздаёт распечатанные материалы. Просто подходит к экрану и нажимает кнопку, выключая мою последнюю картинку.

В переговорной становится темнее.

— Концепция Инги безупречна, — произносит он. — При одном условии: если никто не попытается выяснить, что скрывается за закрытыми дверями.

Я скрещиваю руки на груди.

Начинается.

— Любой элитный проект вызывает желание заглянуть внутрь, — продолжает Макар. — Чем активнее мы подчёркиваем недоступность, тем сильнее журналисты, блогеры и конкуренты будут искать слабое место. А слабые места у «Короны» есть.

Орлов напрягается.

— Какие именно?

— Земля три года находилась в судебном споре. Один из прежних собственников до сих пор утверждает, что его вынудили отказаться от доли. Генеральный подрядчик дважды менялся. Кроме того, на месте будущего закрытого сада находится исторический флигель, который проект предполагает частично разобрать.

Финансовый директор перестаёт делать пометки.

— Эта информация не является публичной.

— Пока не является, — соглашается Макар. — Но станет, как только проект начнёт собирать заявки. Если мы построим кампанию исключительно на красоте, статусе и закрытом клубе, первый же кризис превратит всю концепцию в доказательство того, что богатые пытаются спрятать очередную грязную сделку за высоким забором.

— Ты предлагаешь отказаться от закрытого позиционирования? — спрашиваю я.

— Я предлагаю не путать закрытость с молчанием.

— Ты предлагаешь начать кампанию с оправданий.

— Нет. Я предлагаю заранее лишить противника оружия.

Макар берёт со стола маркер и подходит к белой доске.

Его движения спокойны, но я слишком хорошо знаю этот приём. Он создаёт впечатление, будто не выступает перед заказчиком, а размышляет вместе с ним. Люди начинают считать его идеи своими ещё до того, как понимают, что согласились.

На доске появляются три слова:

Право. История. Контроль.

— Мы не ждём расследования о земле. Мы сами рассказываем историю участка, показываем все этапы сделки и выводим независимых юристов, которые подтверждают чистоту документов. Не ждём скандала вокруг флигеля. Объявляем архитектурный конкурс на его сохранение и делаем старое здание центром будущего сада. Не прячем смену подрядчиков. Объясняем, что проект дважды повышал требования к качеству.

— Ты хочешь превратить проблемы в достоинства, — говорит Орлов.

— Я хочу, чтобы, когда конкуренты попробуют ударить, публика уже знала нашу версию событий.

— Твою версию, — поправляю я.

Макар поворачивается ко мне.

— Единственной объективной версии не существует. Есть та, которую люди услышали первой, и та, которой они поверили.

— Это называется манипуляция.

— Это называется коммуникация. Ты должна знать, ты на ней зарабатываешь.

Я опускаю руки.

— Моя концепция создаёт ценность. Твоя строится на страхе, что нас вот-вот разоблачат.

Мы смотрим друг на друга через стол. В комнате есть ещё восемь человек, но между нами как будто вибрирует пространство, сжимаясь до одной линии. Макар не повышает голоса. Я тоже. Чем спокойнее мы говорим, тем осторожнее начинают дышать окружающие.

— Бомбу сначала нужно найти, Вольский.

— Я уже нашёл три.

— Ты нашёл три стандартных риска любого крупного проекта и раздул их до масштабов государственного переворота. Покупатель приобретает не судебную историю участка.

— Пока она не появляется в заголовках.

— Хватит, — произносит Орлов.

Мы оба поворачиваемся к нему. Он снимает очки и несколько секунд массирует переносицу.

— Я пригласил вас, потому что ваши агентства сильнее остальных. Но сейчас мне кажется, что проще провести кампанию самостоятельно, чем каждые десять минут разнимать двух взрослых людей.

— Нас не нужно разнимать, — отвечаю я.

Одновременно со мной Макар говорит:

— Мы обсуждаем стратегию.

Наши голоса накладываются друг на друга.

Орлов смотрит сначала на меня, потом на него.

— Вот именно это я и имею в виду.

Я возвращаюсь на своё место.

Макар остаётся у доски.

— Игорь Сергеевич, моя команда готова взять кризисную часть, — говорит он. — Мы проведём аудит, закроем юридические риски и подготовим проект к любым атакам. Позиционирование Инги можно использовать после того, как мы убедимся, что оно не рухнет при первом же скандале.

Я коротко смеюсь.

— Какая щедрость. Ты предлагаешь оставить мне мою работу после того, как закончишь изображать хозяина проекта.

— Я предлагаю не отправлять дорогой корабль в плавание с пробоиной.

— У проекта нет пробоины.

— Ты уверена?

— В отличие от тебя, я изучаю клиента до того, как начинаю продавать ему собственную тревожность.

Макар кладёт маркер на стол.

— Ты видишь только то, что можно красиво показать.

— А ты видишь грязь даже там, где люди просто забыли вымыть обувь.

Орлов снова поднимает руку.

На этот раз мы замолкаем.

— Решение будет следующим, — говорит он. — В течение шести недель вы работаете вместе.

Я не сразу понимаю смысл услышанного.

— Нет.

— Согласен, — одновременно со мной произносит Макар.

Глава 5

Я поворачиваюсь к нему. Он смотрит на Орлова, но в уголках его губ уже прячется довольная улыбка.

— Я сказала нет.

— Я услышал, — спокойно отвечает заказчик. — Тем не менее именно так и будет. Инга отвечает за позиционирование, визуальную коммуникацию, мероприятия и работу с аудиторией. Макар проводит аудит рисков, выстраивает защиту и контролирует кризисные сценарии. Бюджет общий. Штаб общий. Результаты оцениваются через шесть недель.

— Вы хотите устроить соревнование внутри одной кампании?

— Я хочу получить стратегию, которая умеет не только нравиться, но и выдерживать удары.

— Наши команды не смогут работать в единой структуре.

— Смогут, — вмешивается Макар. — Если Инга перестанет считать любой вопрос покушением на её независимость.

Я медленно поворачиваюсь к нему.

— Моя независимость пережила мужчин значительно опаснее тебя.

В его глазах вспыхивает интерес.

— Не сомневаюсь. И последствия всё ещё заметны.

Я чувствую, как пальцы сами собой сжимаются на пульте.

— Контракт получит агентство, чей вклад окажется решающим, — продолжает Орлов, словно не замечая, что между двумя приглашёнными специалистами начинается частная война. — Если вы откажетесь, я передам проект третьей стороне.

— Кому? — спрашиваю я.

Он называет агентство, которое в прошлом году рекламировало элитный жилой комплекс фотографиями счастливой семьи на белом диване.

Я закрываю глаза. Люди на том снимке выглядели так, будто за минуту до съёмки совместно закопали садовника.

Отдать им «Корону» невозможно. Это будет не поражение. Это будет профессиональное преступление.

— Где размещается штаб? — спрашивает Макар.

Предатель! Он даже не пытается скрыть удовольствие.

— Здесь, — отвечает Орлов. — На двадцать шестом этаже уже подготовлен офис. Обе команды начинают работу завтра.

— Сегодня, — говорю я.

Макар переводит на меня взгляд.

— Боишься потерять время?

— Боюсь, что за ночь ты успеешь придумать ещё несколько причин, почему мир должен находиться в состоянии постоянной паники.

— Рыжая, мир и так находится в состоянии постоянной паники. Просто ты подбираешь для неё красивый шрифт.

Я встаю.

— В таком случае увидимся в штабе через час.

— Мне понадобится два.

— Значит, опоздаешь.

Я собираю документы и выхожу из переговорной, не прощаясь.

Кира догоняет меня у лифтов.

— Инга Олеговна!

Я нажимаю кнопку вызова.

— Если собираешься сказать, что всё прошло хорошо, сначала напиши заявление об увольнении.

— Я собиралась спросить, что делать с презентацией.

— Разослать команде. Через сорок минут все должны быть на двадцать шестом этаже.

— А обед?

— Отменить.

— Людям нужно есть.

— Сегодня они питаются амбициями.

Двери лифта разъезжаются.

Кира входит за мной.

— Мы правда будем работать с Вольским?

— Нет. Мы будем работать, несмотря на Вольского.

— Говорят, у него очень сильная команда.

— У серийных убийц тоже бывает хорошая организация процессов.

— И он красивый..

Я смотрю на неё. Кира прижимает планшет к груди.

— Кира! У тебя все красивые!

Лифт начинает спуск.

В зеркальной стене отражается моё лицо: спокойное, собранное, почти равнодушное, только на шее, чуть ниже воротника блузки, кожа покрылась мелкими красными пятнами.

У меня всегда так бывает, когда я очень злюсь. Или когда мужчина стоит слишком близко. С Макаром эти состояния почему-то начинают совпадать.

Глава 6

Общий штаб выглядит как дизайнерская фантазия человека, который никогда не работал в условиях реального дедлайна.

Светлое дерево, стеклянные перегородки, мягкие кресла, кухня с кофемашиной и две переговорные, названные «Амбиция» и «Наследие». В центральной части стоят два длинных стола для команд, а у панорамного окна расположены два одинаковых кабинета.

Именно два кабинета вызывают первую проблему.

— Этот мой, — говорю я, входя в тот, что находится справа.

Из него лучше виден будущий участок «Короны». Кроме того, утреннее солнце не бьёт прямо в монитор.

Я кладу ноутбук на стол и снимаю пиджак.

— Нет, — раздаётся за спиной.

Макар входит следом и бросает свою папку рядом с моим компьютером.

— Что значит «нет»?

— Этот кабинет мой.

— На каком основании?

— Я вошёл сюда первым.

— Я стою здесь уже две минуты.

— Я был на этаже раньше. Разговаривал с безопасностью.

— Это не считается.

— Почему?

— Потому что я так решила.

Макар проходит к окну и осматривает вид.

Без пиджака его плечи кажутся ещё шире. Тёмная рубашка натягивается на спине, когда он поднимает руку, проверяя жалюзи. Я замечаю это раньше, чем успеваю запретить себе замечать и тут же злюсь. На него, на рубашку, на собственное зрение.

— Второй кабинет идентичный, — говорит Макар.

— Тогда иди туда.

— Этот мне нравится больше.

— Мне тоже.

— Значит, будем делить.

Я смеюсь.

— Нет, Макар, я не привыкла делиться. Странно, что ты этого еще не понял.

— Я все прекрасно понял. Просто мне нравится, как у тебя темнеют глаза, когда ты злишься.

Он останавливается напротив. Между нами стол, но это не помогает. Я чувствую исходящее от него тепло и замечаю едва видимую тень щетины на подбородке.

Мужчины не должны выглядеть так в разгар рабочего дня. Это отвлекает сотрудников. Особенно сотрудниц.

— Мои глаза тебя не касаются.

— Пока нет.

Я опираюсь ладонями о стол.

— Вольский, послушай внимательно. Мы вынуждены находиться на одной территории, но это не означает, что ты можешь вторгаться в моё пространство, менять мои решения или комментировать части моего тела.

— Глаза считаются интимной частью тела?

— В твоём случае интимной частью является мозг. Ты слишком редко им пользуешься, поэтому окружающие почти его не видели.

Макар улыбается без привычной холодной насмешки. На секунду его лицо меняется и становится моложе. Мне неожиданно хочется увидеть это ещё раз.

— Забирай кабинет, — говорит он. — Не хочу, чтобы ты весь день думала, будто я отнял у тебя что-то важное.

— Поверь, ты не способен отнять у меня что-то важное.

Он берёт свою папку, но у двери останавливается и оглядывается.

— Поставь табличку с именем. Вдруг я снова забуду, кому принадлежит территория.

— Зайдёшь без стука — получишь табличкой по голове.

— Обещаешь?

Он выходит, оставляя дверь открытой. Я смотрю ему вслед дольше, чем требуется для контроля передвижения противника потом захлопываю дверь. На стекле перегородки нет жалюзи, поэтому я всё равно вижу, как Макар проходит в соседний кабинет, снимает пиджак и закатывает рукава рубашки.

Ффухх.. Следующие шесть недель я буду работать в стеклянном аквариуме напротив мужчины, который считает любое моё раздражение формой флирта.

Я поворачиваю кресло спиной к перегородке. Через пять минут разворачиваю обратно. Контролировать врага значительно важнее, чем избегать красивого вида.

Глава 7

К вечеру общий штаб перестаёт выглядеть дизайнерским шоурумом.

На столах появляются ноутбуки, чашки, зарядные устройства и распечатки. Моя команда занимает правую часть офиса, люди Макара — левую. Между ними остаётся узкий проход, напоминающий демилитаризованную зону.

— Нам нужны пять интервью с будущими резидентами, — говорю я на первом общем совещании. — Не публичные заявления о покупке, а разговор о том, как меняется представление о личном пространстве.

— Не нужны, — отвечает Макар.

Он сидит напротив, раскачивая в пальцах ручку.

— Я тебя не спрашивала.

— Игорь Сергеевич просил обсуждать решения совместно.

— Мы обсуждаем. Я говорю, что делаем. Ты учишься принимать информацию.

Несколько моих сотрудников опускают глаза. Люди Макара, наоборот, начинают смотреть внимательнее.

Он кладёт ручку.

— Потенциальные резиденты не станут рассказывать о личном пространстве до подписания договора. А если станут, журналисты немедленно выяснят, что половина из них получила специальные условия.

— Они не получали специальных условий.

— Получат.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что состоятельные люди редко платят полную цену за возможность бесплатно рекламировать чужой проект.

Я открываю рот и закрываю снова. Потому что он прав и это бесит.

— Хорошо. Интервью снимаем после подписания предварительных соглашений, — говорю я. — Но список героев готовим сейчас.

— Согласен.

Он произносит это без победной улыбки и даже не пытается подчеркнуть, что заставил меня изменить решение. Я смотрю на него с подозрением.

— Что?

— Ничего. Пытаюсь понять, почему ты не злорадствуешь.

— Потому что мне нужен результат, а не твоё публичное поражение.

— Врёшь.

— Разумеется. Публичное поражение тоже желательно, но вторично.

В комнате раздаётся осторожный смех и напряжение немного спадает. Мы переходим к следующему вопросу. Потом ещё к одному. И постепенно происходит неожиданное: мы начинаем работать по-настоящему.

Я предлагаю закрытую презентацию для первых покупателей. Макар замечает, что список гостей станет первой точкой утечки, и предлагает отправлять персональные приглашения без адреса, открывая геолокацию за два часа до события.

Он хочет сделать антикризисную карту по каждому инвестору. Я добавляю к ней социальные связи, предпочтения и репутационные риски семей.

Я предлагаю не использовать знаменитостей в рекламе. Макар соглашается и предлагает вместо них собрать закрытый совет резидентов, которые получат право влиять на развитие клубной инфраструктуры.

Через час на доске появляется стратегия, которой не существовало утром. В ней есть моя система желания и его система защиты. Я смотрю на заполненную доску и испытываю неприятное возбуждение, знакомое каждому профессионалу, когда разрозненные идеи внезапно собираются в нечто сильное.

— Это сработает, — говорит Орлов по видеосвязи, изучив нашу схему.

— Само собой, — отвечаю я.

— Возможно, — одновременно со мной произносит Макар.

Я поворачиваюсь к нему.

— Ты можешь хотя бы раз не портить момент? Если честно, хочется тебя придушить!

— Только придушить? — Он задаёт вопрос негромко. Сотрудники уже собирают вещи, поэтому никто, кроме меня, не слышит.

Я закрываю ноутбук.

— Не льсти себе. Рабочий день закончен, Вольский.

— Для кого?

— Для людей, у которых есть жизнь.

— Значит, мы остаёмся.

Я смотрю на часы: половина седьмого.

За окнами темнеет город. В стекле отражается офис: пустеющие столы, включённые мониторы и мы с Макаром, сидящие друг напротив друга, будто весь день только и ждали, когда исчезнут свидетели.

— Я не собираюсь проводить с тобой ночь, — говорю я.

— В этом кабинете есть камеры, поэтому можешь не бояться за свою репутацию.

Макар встаёт и подходит к доске.

— У нас не закрыт вопрос с прессой. Если информация о судебном споре всплывёт раньше нашей публикации, вся концепция дефицита развалится.

— Не развалится.

— Ты не можешь гарантировать.

— Могу.

— Потому что контролируешь всех журналистов Москвы?

— Тех, кто имеет значение.

— Никто не контролирует людей полностью.

— Ты просто плохо выбираешь инструменты.

Он поворачивается ко мне.

— А ты выбираешь только тех людей, которых можно контролировать?

Вопрос звучит слишком лично.

Я медленно поднимаюсь.

— Мы обсуждаем проект. Не лезь в то, что тебя не касается.

— Я спросил о команде.

— Нет. Ты прекрасно понимаешь, о чём спросил.

Между нами остаётся несколько шагов. Макар кладёт маркер на край стола и делает ко мне шаг своей мягкой львиной походкой.

— Ты весь день ведёшь себя так, будто совместная работа со мной угрожает твоей независимости.

Я остаюсь на месте. В пустом офисе особенно слышны мелочи: работа вентиляции, приглушённый шум машин далеко внизу, скольжение ткани его рубашки, когда он убирает руки в карманы.

— Ты привык, что женщины воспринимают твой напор как неотразимость? — спрашиваю я.

— Только те, которым он нравится.

— Тогда со мной тебя ждёт новое переживание.

Он оказывается ближе, чем прежде.

Я вижу тонкие линии у его глаз и маленький шрам у виска. Не знаю, откуда он и не хочу знать. Любая личная деталь превращает врага в человека, а люди значительно сложнее уничтожаются.

— Отойди, — говорю я.

— Мешаю дышать?

— Мешаешь думать.

Его бровь поднимается.

Чёрт. Я сказала не то.

— Наконец-то честный ответ.

— Ты мешаешь думать своим голосом. Он монотонный.

— У тебя учащается пульс от монотонных голосов?

— У меня учащается пульс от раздражения.

— Покажи.

Он поднимает руку, но не касается, но пальцы останавливаются в нескольких сантиметрах от моей шеи, там, где под кожей действительно слишком быстро бьётся жилка.

Я должна отступить, но вместо этого поднимаю подбородок.

— Рискни.

Взгляд Макара темнеет. Насмешка исчезает. Несколько секунд мы стоим неподвижно. Его рука всё ещё находится рядом с моей шеей. Я чувствую тепло ладони, хотя прикосновения нет. И именно отсутствие касания становится самым невыносимым.

— Я так и думал, — тихо произносит Макар. — Ты не боишься мужчин.

— Великое открытие.

— Ты боишься только одного. Что один из них тебе действительно понадобится.

Внутри всё мгновенно застывает. Его слова касаются чего-то очень личного, задевая старую, тщательно залитую бетоном трещину.

Я отступаю и беру со стола папку.

— Совещание закончено. Завтра в восемь.

Я направляюсь к двери, но он перехватывает её раньше меня. Его ладонь ложится на ручку поверх моей. По руке проходит резкая волна, будто я касаюсь оголённого провода. Пальцы непроизвольно напрягаются и я отдёргиваю ладонь.

— Убери руку.

Макар открывает дверь.

— До завтра, Инга Олеговна.

— Постарайся не опоздать.

— Постарайся не думать обо мне ночью.

Я прохожу мимо, задев его плечом. Успеваю сделать только несколько шагов по пустому коридору, когда из-за поворота появляется Кира. Она идёт быстро, прижимая телефон к груди, и выглядит так, будто в офисе только что обнаружили пожар.

— Инга Олеговна, простите, я вам звонила, но вы не отвечали.

— Что случилось?

За моей спиной открывается дверь переговорной и оттуда снова выходит Макар.

Кира сглатывает и произносит: К вам пришёл отец.

Визуализация

Инга и Макар

Глава 8. Долг перед отцом

Глава 3. Долг перед отцом

— К вам пришёл отец.

Кира произносит это так, словно внизу меня ожидает не пожилой мужчина, а сотрудник налоговой с постановлением на обыск.

Я несколько секунд смотрю на неё, не понимая смысла слов.

Отец.

Понятие знакомое. В семейной анкете напротив него можно поставить галочку. В моём свидетельстве о рождении даже записано имя — Олег Леонидович Арсеньев. Теоретически такой человек существует.

Практически он не имеет никакого отношения к моей жизни.

— Ты ошиблась, — говорю я.

Кира растерянно моргает.

— Он представился Олегом Леонидовичем Арсеньевым. Сказал, что он ваш папа.

Слово «папа» звучит особенно нелепо. Папа забирает ребёнка из школы, помнит дату его рождения и знает, чем заканчивается утренник, на который обещал прийти. Папа не исчезает, оставив жену продавать обручальное кольцо, чтобы купить младшему сыну лекарство.

Олег Леонидович является моим биологическим отцом. На этом его должностные обязанности заканчиваются.

— Где он?

— В приёмной вашего кабинета. Охрана не хотела пропускать без записи, но он назвал вашу маму, братьев.. Я решила, что лучше сначала сообщить вам.

Макар стоит за спиной. У этого мужчины удивительный талант присутствовать именно в те моменты, когда мне особенно хочется остаться одной.

— Тебя проводить? — спрашивает Макар.

— До собственного кабинета?

— До человека, из-за которого у тебя сейчас лицо стало белее стены.

Я качаю головой и прохожу мимо. Кира идёт за мной.

— Давно он ждёт?

— Минут десять.

— Кофе ему предлагали?

— Да.

— Взял?

— Попросил чёрный, без сахара.

Отец всегда пил чёрный кофе без сахара. Говорил, что взрослый мужчина должен чувствовать настоящий вкус напитка, а не прятать горечь за сладостью.

Мама покупала ему дорогой молотый кофе, хотя сама пила растворимый. После его ухода первая банка простояла в шкафу почти год. Мама не выбрасывала её, будто отец мог вернуться и спросить, куда делись его вещи.

Я прохожу через общий штаб. Большинство сотрудников уже разошлись, но несколько человек остаются за компьютерами. Никто открыто не смотрит, однако я чувствую любопытство, которое ползёт за мной до самого кабинета.

Стеклянная дверь закрыта. Через неё я вижу мужчину, сидящего в кресле для посетителей.

Он постарел.

В моих воспоминаниях отец остаётся высоким, широкоплечим, уверенным. Он заполняет собой узкий коридор нашей старой квартиры, поправляет перед зеркалом галстук и пах-

нет лосьоном после бритья. Его слушают продавцы, соседи, мамина сестра и даже учительница по математике, которая после разговора с ним разрешает мне пересдать контрольную.

Мужчина за стеклом заметно меньше.

Седина расползается от висков к затылку. Кожа под глазами опустилась, на лбу лежат глубокие складки. Костюм когда-то был дорогим, но теперь сидит плохо: пиджак морщит на плечах, брюки лоснятся у колен. Отец держит чашку обеими руками и смотрит на город за окном.

На секунду мне становится его жалко, но я тут же испытываю к себе отвращение.

Жалость является самым дешёвым способом украсть у человека разум. Особенно если её вызывает тот, кто прекрасно знает, на какие кнопки нажимать.

Отец замечает меня. Медленно поднимается и ставит чашку на стол. На его лице появляется улыбка. Спокойная, уверенная, почти тёплая. Улыбка человека, который хочет показать: всё не так плохо, как кажется, любые разногласия можно уладить, если обе стороны будут вести себя разумно.

Я открываю дверь.

— Здравствуй, Инга.

— Олег Леонидович.

Улыбка на мгновение дрогнула. Он явно ожидал другого обращения. Я прохожу к столу, ставлю папку рядом с ноутбуком и сажусь. Отец остаётся стоять.

— Присаживайся.

Он опускается в кресло.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга. Я не задаю очевидного вопроса. Не спрашиваю, зачем он пришёл. Люди раскрываются быстрее, если не помогать им формулировать ложь.

Отец первым нарушает тишину:

— Я следил за твоей карьерой.

— Через социальные сети?

— Читал статьи. Видел интервью. Ты стала большим специалистом.

— Я знаю.

Отец слегка улыбается.

— Скромность никогда не была твоей сильной стороной.

— Скромность придумали люди, которым нечем подтвердить собственную ценность.

— Это ты от меня взяла.

Дааaa уж! Мы не разговариваем и пяти минут, а он уже пытается приписать себе часть моей жизни.

— Нет, — отвечаю я. — От тебя я взяла цвет волос. Хотя и здесь мама утверждает, что рыжей была её бабушка.

Он откидывается на спинку кресла, берёт чашку и делает глоток. Потом морщится: кофе успел остыть. Я наблюдаю за его пальцами. На правой руке нет обручального кольца. Не знаю, женился ли он после мамы. В детстве я представляла женщину, ради которой он ушёл. Иногда красивую и молодую, иногда злую, иногда совершенно обычную. Мне хотелось понять, чем она оказалась лучше нас троих. Потом я выросла и поняла: дело никогда не было в ней. Дело было в нём.

— Инга, я не хочу начинать с пикировок.

— Тогда начинай с причины визита.

Он ставит чашку.

— Я остался без работы.

Признание даётся ему трудно. Это видно по тому, как напрягаются губы и как быстро он отводит взгляд к окну.

— Где ты работал?

— Консультировал несколько компаний. Стратегия, коммуникации, переговоры. Последняя фирма закрыла московское направление.

— Почему?

— Инвесторы вышли из проекта.

— А остальные клиенты?

— Ситуация на рынке сложная.

— То есть их нет.

Он раздражённо проводит ладонью по колену.

— Я не пришёл на собеседование.

— Ты сказал, что остался без работы. Я уточняю вводные.

— Мне нужна возможность вернуться в профессию.

— Какую именно профессию?

— Ты прекрасно знаешь, чем я занимался.

Я знаю.

Отец умел красиво разговаривать, нравиться людям и создавать впечатление, что без него они не справятся. Когда я была ребёнком, это казалось редким талантом. Теперь я называю подобное навыком продавать воздух.

— Продолжай, — говорю я.

Он делает глубокий вдох.

— Возьми меня к себе.

Я молчу.

Не могу сказать, что удивлена. Примерно с момента, когда Кира сообщает о его безработице, мне плюс-минус понятно, зачем он пришел. Меня поражает другое: лёгкость, с которой он произносит просьбу.

Будто двадцать три года между нами являются небольшой паузой в деловом общении. Будто он не исчезает из нашей жизни, а просто долго работает в другом филиале.

— Кем?

— Советником. Консультантом. Я могу работать с клиентами, готовить переговоры, вести сложные коммуникации. Ты сейчас запускаешь крупный проект.

Я прищуриваюсь.

— Откуда ты знаешь?

— О «Короне» говорит весь рынок.

— О том, что моё агентство участвует в запуске, рынок пока не знает.

Он на секунду замолкает.

Незаметно для человека, который не привык анализировать микрореакции. Но я вижу.

— Знакомые упомянули, — отвечает отец. — Москва тесная.

— Какие знакомые?

— Инга, мы будем устраивать допрос?

— Пока ты просишься в мою команду, это называется собеседованием.

— Я твой отец.

— Поэтому вопросов значительно больше.

Его лицо становится жёстче.

Вот теперь я узнаю прежнего Олега Леонидовича.Мужчину, которому не нравится, когда женщина не принимает его версию событий.

— Я не прошу подачки, — произносит он. — Я предлагаю опыт.

— Какой?

— Двадцать пять лет работы с людьми.

— Где результаты этой работы?

— Ты разговариваешь со мной как с мальчиком после института.

— Мальчик после института принесёт резюме, рекомендации и примеры проектов. Ты принёс родственную связь.

Он подаётся вперёд.

— Я мог бы быть тебе полезен.

— Тогда объясни чем.

— У меня есть связи.

— Которые перестали давать тебе работу?

Он сжимает челюсти. Я вижу, что точно бью в цель. В детстве отец всегда казался неуязвимым. Сейчас оказывается, что его уверенность держится на тонкой оболочке. Достаточно нескольких вопросов, и под ней проступает страх.

Он действительно в отчаянии, но от этого я не чувствую удовлетворения.

— Мне нужно немного времени, — говорит отец уже тише. — Несколько месяцев. Я встану на ноги, найду клиентов. Не обязательно высокая должность. Дай мне место в команде.

— Почему я?

— Потому что ты моя дочь.

— Это не профессиональный аргумент.

— Потому что у тебя есть возможность помочь.

— Возможность не создаёт обязательства.

— Семья создаёт.

Я смотрю на него и внутри становится тихо. Такая тишина возникает перед обрушением, когда конструкция уже не держит нагрузку, но ещё сохраняет форму.

— Семья? — спрашиваю я.

Отец, кажется, принимает мою паузу за колебание.

— Я знаю, что совершал ошибки. Но прошло столько лет. Нельзя всю жизнь тащить за собой детские обиды.

Телефон на столе вибрирует.

На экране имя Орлова.

Я не отвечаю сразу.

— Подожди здесь, — говорю отцу. — У меня рабочий звонок.

— Я могу выйти.

— Не нужно. Разговор займёт несколько минут.

Я беру телефон и направляюсь к двери. Уже на пороге останавливаюсь.

— Ничего не трогай.

Отец криво улыбается.

— Ты всегда была недоверчивой.

Я выхожу и закрываю дверь.

Глава 9

В общем пространстве никого не осталось, кроме Макара. Свет в его кабинете горит. Сам он сидит за столом, но, когда я прохожу мимо, поднимает голову.

Я указываю взглядом на телефон и иду в переговорную.

— Игорь Сергеевич, слушаю.

Орлов говорит быстро. Юридический отдел обнаруживает несоответствие в документации по историческому флигелю. Один из чиновников требует срочного пояснения, иначе согласование презентации придётся перенести.

Я открываю ноутбук в переговорной, нахожу нужные файлы и одновременно пишу юристам. Разговор затягивается.

Через стекло я вижу свой кабинет. Отец сначала сидит неподвижно. Потом встаёт и подходит к окну. Берёт со стола одну из фотографий, стоящих на полке. На ней мы с Мариной и Алисой в ресторане. Рассматривает, ставит обратно.

Я продолжаю говорить с Орловым, доказывая, что перенос презентации создаст больше репутационных рисков, чем техническая ошибка в документах.

Отец проходит вдоль стола. На секунду скрывается за высокой спинкой моего кресла. Я не придаю этому значения. Сейчас мне важнее добиться, чтобы Орлов не начал метаться и отменять уже подтверждённые встречи.

— Нет, Игорь Сергеевич, никаких официальных писем чиновнику сегодня не отправляем. Утром проводим встречу, показываем уточнённую схему и предлагаем два варианта решения. Если сейчас начнём оправдываться письменно, он получит документ, который сможет использовать против проекта.

Когда я возвращаюсь в кабинет, отец стоит возле стола. Он держит в руках рамку с фотографией нашей семьи, сделанной ещё до его ухода.

Я храню её не из сентиментальности.

На снимке мне десять. Антон сидит у отца на плечах, мама держит Лёшу, а я стою между родителями и улыбаюсь так широко, будто не сомневаюсь: именно так будет всегда.

Эта фотография напоминает, насколько убедительно может выглядеть ложь.

— Не знал, что ты её сохранила, — говорит отец.

Я забираю рамку и ставлю обратно.

— Ты многого обо мне не знаешь.

— Мы могли бы это изменить.

— Нет.

Он смотрит на меня.

— Что нет?

— Я не возьму тебя на работу.

Отец медленно опускается в кресло.

— Ты даже не подумаешь?

— Я уже подумала.

— За пять минут?

— Мне хватило одиннадцати лет.

— Опять ты о прошлом..

Я сажусь за стол.

— Ты пришёл ко мне просить работу, используя слово «семья». Поэтому давай действительно поговорим о прошлом.

Он недовольно качает головой.

— Не вижу смысла.

— А я вижу.

Я столько лет представляла этот разговор в разных вариантах. В одних я кричу. В других говорю спокойно и уничтожаю его точными фразами. Иногда он просит прощения. Иногда признаёт, что всю жизнь жалел. Сейчас передо мной сидит уставший пожилой мужчина, которому нужна работа и от этого накопленные слова становятся ещё тяжелее.

— Ты помнишь день, когда ушёл? — спрашиваю я.

— Конечно.

— Что было на завтрак?

Он хмурится.

— При чём здесь завтрак?

— Манная каша. Лёша размазал её по столу. Антон собирал конструктор. Мама стояла у окна, потому что боялась упасть. Ты складывал рубашки и обещал прийти на мой концерт.

Отец отводит взгляд.

— Это было давно.

— Я ждала тебя в актовом зале. До самого начала смотрела на дверь. Потом учительница попросила нас выйти на сцену, и я решила, что ты, наверное, опаздываешь. После концерта другие дети ушли с родителями, а я ещё двадцать минут сидела в раздевалке.

— Инга…

— Ты обещал Антону велосипед. Лёше комбинезон. Маме — деньги.

— Я помогал, когда мог.

— Через два месяца после твоего ухода мама продала кольцо. Обручальное кольцо, которое ты надевал ей на палец. На эти деньги она купила продукты и лекарство Лёше. Мне было одиннадцать, но я уже понимала, почему на её пальце осталась белая полоска.

— У меня тогда тоже были проблемы. Я начинал новую жизнь. Снимал квартиру. Искал работу.

— Ты начинал новую жизнь один, — продолжаю я. — А мама начинала её с тремя детьми, долгом за квартиру и младшим сыном, который болел. Ты хотя бы понимаешь разницу?

— Вашей матери предлагали помощь родственники.

— Не перекладывай на них свою ответственность.

— Я не перекладываю.

— Именно этим ты занимаешься всю жизнь. Ты не бросил детей — у тебя были обстоятельства. Не давал денег — сам вставал на ноги. Не приезжал — мама настраивала нас против тебя. Теперь остался без работы — рынок оказался сложным.

Отец встаёт.

— Я не обязан выслушивать оскорбления. Я пришел за помощью, а не для того, чтобы ты сводила со мной счёты.

— Ты пришёл потому, что рассчитываешь на моё чувство долга.

— У нормального человека оно есть.

Я поднимаюсь тоже.

— Нормального?

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я. Как бы ни складывались наши отношения, я твой отец.

— Нет. Отец — это не запись в документе. Это человек, на которого ребёнок может рассчитывать. А на тебя рассчитывать было нельзя.

— Ты была маленькая и не знала всей ситуации.

— Эта фраза прекрасно работала, пока я действительно была маленькой. Теперь я взрослая женщина, умею читать документы, считать деньги и анализировать поступки. Никакой тайной ситуации не было. Ты встретил другую женщину, забрал накопления и решил, что трое детей слишком сильно мешают тебе жить.

На его лице появляется тень вины, но тут же исчезает.

— Мы с твоей матерью давно были несчастливы.

— Да я не требую, чтобы ты жил с мамой...

— Тогда чего ты хочешь?

— Ничего.

И вот это правда! Я не хочу ни его раскаяния, ни объяснений, ни объятий или попытки наверстать годы. Не хочу даже мести. Мне нужно только, чтобы он перестал считать меня ресурсом, к которому можно вернуться, когда остальные закончились.

— Ты просишь место в моей компании, — говорю я. — В компании, которую я строила без тебя. Ты хочешь получать зарплату из денег, которые я заработала, пока помогала маме и учила братьев. Ты сам учил нас рассчитывать только на себя. Просто не ожидал, что однажды это правило сработает против тебя.

— Я твой отец, Инга.

— Ты мужчина, который ушёл.

— Я не знал, как вернуться.

— Сегодня нашёл дорогу.

Он смотрит на меня долго и грустно. Потом берёт пальто, лежащее на соседнем кресле.

— Ты пожалеешь об этом.

Какая знакомая фраза: так говорят мужчины, когда женщина отказывается дать им то, что они считают своим.

Он проходит мимо меня, но на пороге задерживается. Я вижу усталые глаза, седые виски и маленькое пятно на воротнике рубашки. Когда-то этот человек казался мне самым сильным мужчиной на свете, но сегодня я выше него и каблуки здесь ни при чём.

— У тебя есть мой номер, — говорит отец. — Если передумаешь.

— Не передумаю.

— Не зарекайся. В жизни бывает всякое.

Глава 10. Женщина из его прошлого

Я сплю три часа сорок минут.

Не потому, что переживаю из-за отца. Я вообще не переживаю из-за мужчин, которые однажды уходят из моей жизни, а потом возвращаются только потому, что у них заканчиваются деньги, связи и люди, готовые терпеть их самомнение.

По крайней мере, именно это я повторяю себе в половине четвёртого утра, когда лежу в темноте и смотрю на тонкую полоску света под дверью спальни.

Квартира молчит.

Никто не плачет на кухне, не кашляет за стеной, не спрашивает, хватит ли денег до пятницы. В холодильнике есть продукты, на счетах — сумма, позволяющая несколько лет вообще не работать, а единственный мужчина, который сегодня пытался получить от меня что-то бесплатно, покидает мой кабинет с тем же результатом, с каким когда-то покинул семью.

Ни с чем.

Я должна чувствовать удовлетворение, но вместо этого память зачем-то возвращает меня в актовый зал школы. Я сижу на жёсткой скамейке в белой блузке и красной юбке, сжимаю в руках бумажный цветок и смотрю на дверь. Другие родители машут детям, снимают их на камеры, поправляют костюмы перед выступлением. Я объясняю учительнице, что папа задерживается на работе.

Он не приходит.

Даже теперь, спустя двадцать три года, мне хочется найти ту одиннадцатилетнюю девочку, сесть рядом и сказать ей, чтобы она перестала ждать. Потому что никто не придёт.

В шесть пятнадцать я сдаюсь, включаю свет и иду в душ. Горячая вода смывает остатки бессонной ночи, но не тяжесть под рёбрами. Я долго стою перед зеркалом, рассматривая собственное лицо: кожа чуть бледнее обычного и глаза слишком тёмные.

Я выбираю серый брючный костюм с подчёркнутой талией, белый шёлковый топ и туфли на каблуке, достаточно высоком, чтобы мужчинам приходилось помнить: даже если они физически выше, это ещё ничего не значит. Волосы собираю в гладкий хвост — сегодня мне нужна дисциплина.

Утреннее совещание назначено на девять, но в офис я приезжаю в семь сорок. Это позволяет спокойно пройти по пустому штабу, проверить материалы и убедиться, что всё находится под контролем.

На столе в моем кабинете стоит новая чашка. Чёрная, матовая, без рисунка. Рядом лежит записка, написанная размашистым мужским почерком: *«Кофемашина справа. Кнопка сверху. Даже ты справишься».*

Я поднимаю взгляд на стеклянную перегородку — Макар находится в соседнем кабинете. Без пиджака, в светлой рубашке с закатанными рукавами. Он стоит у доски и изучает схему информационных рисков. Судя по пустой чашке рядом с ноутбуком, в офис он приехал значительно раньше меня.

Я беру записку, переворачиваю и пишу: *«Вода в кулере. Стаканы рядом. Попробуй умыться — иногда помогает выглядеть человеком».*

Потом выхожу из кабинета, прохожу в соседний и кладу бумагу перед ним.

Макар опускает взгляд.

— Доброе утро, — произносит он. — Плохо спала?

— Прекрасно.

— Тогда у тебя по утрам особенно кровожадное лицо.

— Это исключительно реакция на тебя.

Он читает мой ответ и усмехается.

— Заботишься о моей внешности?

— О психике сотрудников. Им приходится на тебя смотреть.

Макар поворачивается ко мне всем корпусом. Сегодня он выглядит иначе. Не то чтобы мягче, Вольский вообще не производит впечатления мужчины, которому знакомо понятие мягкости, но в его взгляде нет вчерашнего давления.

— Рад, что хотя бы сотрудников ты воспринимаешь как людей.

Я открываю рот, чтобы ответить, но замечаю папку на его столе, на обложке которой написано: *«Корона. Закрытое мероприятие. Продюсерская концепция»*.

— Что это?

Макар переводит взгляд на папку.

— Предложение по первому вечеру для инвесторов.

— Чьё?

— Подрядчика.

— Мы не выбирали подрядчика.

— Я выбрал.

Воздух в кабинете становится плотнее.

— Повтори.

— Я нашёл продюсера для закрытого мероприятия.

— Без согласования со мной?

— У нас нет времени проводить конкурс среди людей, которые будут предлагать арки из живых цветов и симфонический оркестр в холле.

— Организация мероприятия входит в мою зону ответственности.

— Кризисные риски — в мою. Нам нужен человек, который умеет работать с закрытыми списками и не выкладывает фотографии гостей раньше, чем они успевают войти.

— Поэтому ты самостоятельно нанимаешь кого-то в мой блок?

— Я пригласил специалиста на совещание. Решение примем вместе.

— Кто это?

— Софья Ланская.

Имя мне знакомо: Софья Ланская организует мероприятия, после которых люди ещё несколько месяцев рассказывают, как случайно оказались среди тех, кого невозможно собрать в одном помещении. Она не делает громких вечеринок. Она создаёт события, отсутствие на которых воспринимается как социальная неудача.

Профессионально выбор безупречен, но меня возмущает сам факт, что Макар принимает его без меня.

— Я работала с её командой два года назад, — говорю я. — Они сорвали монтаж декораций.

— Подрядчик сорвал. Софья заменила его за шесть часов.

— Значит, ты хорошо знаком с деталями.

Макар выдерживает мой взгляд.

— Достаточно.

В этом слове что-то есть. Я чувствую лёгкое раздражение, не имеющее отношения к рабочим полномочиям.

— Ты мог предупредить вчера.

Макар подходит ближе и забирает с края стола свою чашку.

— Ты можешь отказать Софье после презентации. Сначала выслушай.

Я чувствую, как внутри поднимается что-то горячее и очень неприятное.

— Твоя Софья может начать с резюме.

Макар медленно улыбается.

— Обязательно скажу ей.

Я разворачиваюсь и выхожу. Только в собственном кабинете понимаю, что сжимаю пальцы так сильно, что ногти впиваются в ладонь. Меня раздражает исключительно нарушение процесса. Я открываю папку с концепцией и начинаю читать. Через десять минут понимаю, что прочитала одну страницу четырежды.

Глава 11.

К девяти общий штаб заполняется людьми. Я стою у экрана и проверяю презентацию. Макар разговаривает с руководителем аналитического отдела. Иногда его взгляд скользит в мою сторону, но я не реагирую.

В девять ровно дверь открывается.

Первой входит Кира.

За ней появляется женщина.

Высокая, стройная, в молочном костюме с широкими брюками и удлинённым жакетом. Тёмные волосы лежат на плечах ровной тяжёлой волной. Никаких ярких украшений, только тонкие серьги и часы на кожаном ремешке. Она движется спокойно, не пытаясь привлечь внимание, но люди всё равно поворачивают головы.

Софья Ланская не входит в помещение, она позволяет всем, кто находится в помещении заметить её.

Профессионально.

Уважаю.

Бесит!

— Доброе утро, — говорит она, оглядывая собравшихся.

Её голос ниже, чем я ожидала. Мягкий, но не тихий.

Макар поднимается.

— Соня, — произносит он.

Она подходит и обнимает его. Легко и совсем недолго: одна рука ложится ему на плечо, другая касается спины. Жест выглядит естественным, привычным и настолько личным, что я мгновенно замечаю каждую деталь.

Макар отвечает на объятие.

Моя рука сильнее сжимает пульт.

— Ты опять без галстука, — говорит Софья, отстраняясь.

— Я знал, что ты это заметишь.

Кончиками пальцев она поправляет ворот его рубашки. Макар не отступает.

В штабе становится подозрительно тихо. Возможно, это замечаю только я. Возможно, остальные люди продолжают дышать совершенно нормально и не анализируют расстояние между двумя взрослыми коллегами.

— Софья Андреевна, — говорю я, прежде чем её пальцы успевают задержаться на мужской шее ещё хотя бы секунду. — Рада, что вы нашли время.

Она поворачивается ко мне. Взгляд внимательный, прямой. Софья оценивает меня быстро и без видимого вызова.

— Инга Олеговна. Давно хотела познакомиться лично.

— Мы встречались на запуске «Резиденции» два года назад.

— Вы уехали до начала основной программы.

— Потому что ваша команда задержала монтаж.

В комнате кто-то кашляет.

— Подрядчик задержал конструкцию на четыре часа. Мы заменили оформление и открыли площадку вовремя.

— На двадцать семь минут позже заявленного.

— Всё то вы помните!

Макар отодвигает для Софьи стул.

— Начнём?

Я смотрю на его руку на спинке кресла.

Очень заботливо.

— Да, давайте начинать, — отвечаю я. — Мы как раз обсуждали необходимость выбирать подрядчиков совместно.

Макар садится напротив.

— Мы ничего не обсуждали. Ты угрожала отказать до презентации.

— Это сокращённая версия обсуждения.

Софья переводит взгляд с него на меня. В её глазах появляется понимание.

— Я могу начать с условий конфиденциальности, — предлагает она.

— Начните с концепции, — говорю я. — Конфиденциальность для нас является базовым требованием, а не конкурентным преимуществом.

— Согласна.

Она подключает планшет к экрану. На первом слайде нет золотых букв, дорогих автомобилей или людей с бокалами. Только тёмный силуэт исторического здания и одна фраза:

«Вход не продаётся».

— Первое закрытое мероприятие не должно выглядеть рекламной презентацией, — начинает Софья. — Люди, которых вы приглашаете, посещают десятки подобных событий. Их не удивить кухней известного шефа, дорогим алкоголем или артистом, которого можно заказать на частный день рождения. Поэтому я предлагаю отказаться от стандартной логики вечера.

Она говорит уверенно и спокойно. Не торопится, не старается понравиться и не заполняет каждую паузу словами.

На экране появляется схема старого особняка недалеко от будущего квартала.

— Гости получают не приглашения, а персональные ключи. Каждый открывает только одну дверь в здании. За ней находится часть общей истории проекта: архивные материалы, архитектурная модель, будущий клуб, библиотека, винное хранилище. Чтобы увидеть пространство целиком, гостям приходится взаимодействовать друг с другом.

— Состоятельные люди не любят зависеть от незнакомцев, — замечаю я.

— Именно поэтому взаимодействие запомнится.

— Или вызовет раздражение.

— Раздражение тоже является сильной эмоцией.

— Мы продаём квартиры, а не квест.

— Мы продаём доступ в сообщество. Сообщество невозможно показать, если каждый гость существует отдельно.

Макар едва заметно кивает. Ему нравится.

— Продолжайте, — говорю я.

Софья меняет слайд.

Ключи изготовлены вручную, каждый имеет номер, связанный не с квартирой, а с конкретным историческим объектом района. В конце вечера гости собираются в закрытом саду, где господин Орлов впервые представляет будущий совет резидентов.

Концепция соединяет моё позиционирование с механикой Макара. Закрытость, контролируемый дефицит, отсутствие прямой рекламы и минимальное количество уязвимых точек.

Проблема только одна: Софья действительно сильный специалист.

— Список гостей? — спрашивает Макар.

— Готов на семьдесят процентов. Нужны ваши данные по репутационным ограничениям.

— Получите сегодня.

— Личные помощники?

— Приглашения уходят напрямую.

— Тогда часть гостей не придёт. У людей такого уровня расписанием занимаются помощники.

— Адрес и формат получают только сами участники, — вмешиваюсь я. — Помощники подтверждают временной слот, не имея доступа к месту.

Софья смотрит на меня.

— Это создаст неудобство.

— Оно создаст ценность. Если приглашение легко передать секретарю, оно ничем не отличается от обычной деловой рассылки.

— Тогда понадобится отдельная линия сопровождения.

— Кира организует.

Моя помощница вздрагивает, но быстро кивает.

Софья делает пометку.

— Хорошо.

Никакого спора ради спора. Это тоже раздражает.

Мы обсуждаем охрану, перемещение гостей, работу персонала и запрет на телефоны в нескольких пространствах. Я задаю вопросы жёстче, чем требуется. Софья отвечает без защиты и не пытается очаровать меня.

Макар несколько раз поддерживает её предложения. На четвёртый раз я не выдерживаю.

— Вольский, у тебя есть собственное мнение или сегодня ты работаешь группой поддержки?

Его бровь поднимается.

— Моё мнение совпадает с профессиональным решением.

— Удивительное совпадение.

Софья закрывает планшет.

— Возможно, стоит сделать перерыв.

— Нет необходимости, — отвечаю я.

— Согласен, — говорит Макар. — Инга только разогрелась.

— Не путай рабочую энергию с интересом к тебе.

— Я не уточнял объект интереса.

Я чувствую, как на щеках появляется тепло. Прекрасно! Теперь он заставляет меня краснеть при сотрудниках и своей бывшей женщине. Потому что Софья точно бывшая. Коллеги не поправляют друг другу воротники и не обнимаются так, будто помнят больше, чем готовы озвучить.

— Давайте вернёмся к бюджету, — произношу я.

Софья открывает таблицу. Цифра внизу вызывает у финансового директора короткий вдох.

— Это выше утверждённой суммы на двадцать процентов, — говорю я.

— На семнадцать, — поправляет Софья.

— С учётом резерва — на двадцать два.

— Резерв не обязательно будет использован.

— Резерв всегда используется.

— Не в моей работе.

— Значит, вы либо невероятно удачливы, либо не включаете расходы в финальный отчёт.

Макар кладёт ладонь на стол.

— Инга.

— Что?

— Это уже попытка доказать, что Софья хуже тебя.

Я замираю. В комнате наступает тишина. Софья смотрит в документы, но я вижу, как напрягаются её пальцы.

— В профессиональном смысле? — спрашиваю я.

— Ты мне скажи.

Наглец.

Я медленно кладу пульт на стол.

— Если тебе хочется обсудить личные отношения с приглашённым подрядчиком, сделай это после совещания. В рабочее время меня интересуют только деньги клиента.

Софья поднимает голову.

— Я могу снизить бюджет на двенадцать процентов, если мы откажемся от части физических декораций и заменим их проекционными решениями. Ещё пять процентов даст перенос монтажа на ночное время.

— Без потери качества? — спрашиваю я.

— Без потери.

— Тогда присылайте новую смету до шести вечера.

— Пришлю.

— И подробный план на случай утечки адреса.

— Он уже подготовлен.

Она открывает нужный файл. Макар смотрит на меня с едва заметной улыбкой.

Через сорок минут совещание заканчивается. Команды начинают расходиться. Я собираю документы, не поднимая глаз. Мне необходимо несколько минут, чтобы вернуть дыхание и убедить себя, что желание выбросить Софью с этажа связано только с нарушением субординации.

— Инга Олеговна, — обращается она. — Можно с вами поговорить?

— По проекту?

— Не совсем.

Макар остаётся у двери.

Софья переводит на него взгляд.

— Наедине.

Глава 12.

— Мы давно знаем друг друга.

Я смотрю на неё через стол.

Софья не отводит глаз и не пытается смягчить сказанное улыбкой. В ней вообще нет привычной женской суетливости, которая появляется, когда разговор касается мужчины. Никаких случайных прикосновений к волосам, многозначительных пауз или желания показать, что она владеет информацией, недоступной остальным.

Она просто сидит в моём кабинете и сообщает факт и именно поэтому мне хочется узнать подробности. Исключительно для оценки рисков проекта.

— Насколько давно?

— Девять лет.

— Впечатляющий срок для делового знакомства.

Софья слегка склоняет голову.

— Оно не всегда было деловым.

Вот теперь всё встаёт на свои места.

«Соня».

Та естественность, с которой он отодвигает для неё кресло, будто делает это сотни раз. Возможно, делал. Утром, вечером, в ресторанах, дома, в спальне после того, как они успевали закончить что-нибудь более интересное, чем рабочее совещание.

Я прижимаю ладонь к столешнице. Она прохладная и гладкая. Это помогает не показать, насколько внезапно мне становится жарко.

— Хотите сказать, что у вас были отношения?

— Да. Почти два года.

Я киваю, будто получила сведения о предыдущем подрядчике.

Два года. Срок, за который можно выучить чужие привычки, познакомиться с родителями, оставить половину вещей в одном шкафу и перестать спрашивать, что человек хочет на завтрак. За два года мужчина становится частью повседневности. Его чашка появляется рядом с твоей, зарядка остаётся у кровати, а ключи ложатся в общую корзину у двери.

У меня никогда не было отношений длиной в два года. Даже мысль о подобной продолжительности вызывает ощущение, будто кто-то пытается захлопнуть за моей спиной тяжёлую дверь.

— И теперь вы продолжаете работать вместе, — произношу я.

— Иногда.

— Удобно.

— Не всегда.

Софья чуть улыбается, и я понимаю, что эта женщина не собирается ни оправдываться, ни соревноваться со мной за звание самой значимой страницы в биографии Макара.

— Почему вы расстались?

Вопрос звучит раньше, чем я решаю, стоит ли его задавать. Софья замечает мою ошибку. В её взгляде появляется едва уловимый интерес.

— Это имеет отношение к моей работе над проектом?

— Нет.

— Тогда почему вы спрашиваете?

— Вы сами перевели разговор в личную область.

— Я объяснила, почему Макар приглашает меня без обычной процедуры согласования. Он уверен, что я справлюсь.

Софья переводит взгляд к стеклянной стене. В соседнем кабинете Макар стоит у стола, склонившись над ноутбуком. Рукава рубашки по-прежнему закатаны, на предплечье напрягаются мышцы, когда он что-то печатает.

Я не смотрю туда. Точнее, смотрю ровно столько, сколько требуется, чтобы понять направление её взгляда.

— Мы собирались пожениться, — говорит Софья.

В груди неприятно дёргается.

— Собирались?

— Макар сделал предложение и я согласилась. А потом он начал планировать нашу семейную жизнь.

Вот это уже интересно.

— Звучит не как причина возвращать кольцо.

— Пока не понимаешь, что план уже утверждён и проанализирован с учётом времени в дороге, возможного переезда офиса и оптимального количества командировок. Была даже таблица семейной жизни.

Это настолько в духе Макара, что я вижу эту таблицу почти физически: цифры, риски, аргументы и внизу жирным — *оптимальный вариант*.

— Дети тоже вошли в стратегическое планирование?

— Предполагаемый срок рождения первого ребёнка.

— Господи!

— Самое смешное, Инга Олеговна, он не пытался мной командовать.

— Нет. Он просто приводил достаточно аргументов, чтобы возражать стало нелогично.

Софья смотрит внимательнее.

— Вы быстро его поняли.

— Он не очень сложный.

— Ошибаетесь. Как раз сложный. Потому что уверен: если его решение делает тебе жизнь лучше, значит, он имеет право его принять ради тебя, но без тебя.

Мы замолкаем.

Вот в этом и проблема. С эгоистом проще. Эгоиста можно ненавидеть. А человек, который действительно убеждён, что причиняет тебе добро, способен снести половину твоей жизни и искренне удивиться отсутствию благодарности.

— Я сказала, что не собираюсь становиться частью его проекта, — продолжает Софья. — Макар ответил, что проект общий. После нескольких месяцев попыток договориться я вернула кольцо, наговорила ему гадостей и почти год не брала трубку. Можете считать это культурной формой побега.

Я улыбаюсь, хотя сама не понимаю зачем.

Софья мне не нравится. Но раздражает она совсем не так, как должна раздражать бывшая женщина Макара. Слишком умная. Слишком спокойная. Слишком похожа на человека, которого я могла бы уважать при других обстоятельствах.

— Вы всё ещё его любите?

Софья поднимает брови.

— Вы действительно хотите это знать?

Нет. Я хочу услышать «нет» прежде, чем она договорит вопрос.

— Мне нужно понимать, не повлияет ли ваше прошлое на проект.

— Тогда отвечу профессионально: нет, наше прошлое проекту не угрожает.

— А непрофессионально?

Софья выдерживает паузу.

— Я его больше не люблю.

И только после этих слов я понимаю, насколько сильно ждала именно их.

— Тогда зачем мы вообще говорим об этом?

— Потому что я не хочу оказаться внутри чужого треугольника.

— Никакого треугольника нет и не будет.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Софья смотрит на меня слишком долго.

— Когда-то я тоже была абсолютно уверена, что мы с Макаром исключительно работаем.

— Софья Андреевна.

— Инга Олеговна.

Вежливость между нами становится почти оружием.

— Вы пришли предупредить меня, что не собираетесь возвращать бывшего жениха?

— Нет.

— Тогда зачем?

Она медленно проводит пальцем по краю планшета.

— Чтобы вы не тратили силы на войну со мной.

— Я с вами не воюю.

— Вы уничтожили мою концепцию за первые семь минут презентации.

— Там были слабые места.

— А потом нашли способ сохранить почти всё, что действительно работает.

Я молчу.

— Вы сильный специалист, — продолжает Софья. — Поэтому Макар и позвал меня. Он знал, что вы не сможете отказаться от хорошей идеи только потому, что вам неприятен человек, который её принёс.

— Значит, вы были приманкой?

— Проверкой.

Я медленно выпрямляюсь.

— Проверкой чего?

— Вас.

В комнате становится как будто тише.

— Макар не имеет права меня проверять.

— Скажите ему об этом сами.

— Что именно он хотел проверить?

Софья впервые отводит взгляд.

— Когда мы расстались, Макар сказал одну вещь. Я запомнила. Он сказал, что больше никогда не станет строить отношения с женщиной, рядом с которой ему приходится выбирать между собой и её свободой.

Я усмехаюсь.

— Очень глубокий вывод для мужчины с таблицей допустимых командировок.

— Он умеет делать выводы. Медленно. И обычно после того, как всё разрушит.

Почему-то шутить больше не хочется.

— И при чём здесь я?

— Вот это лучше спросить у него.

— Между мной и Макаром ничего нет. Не приписывайте Вольскому чувства, которых у него нет.

Софья неожиданно улыбается.

— А вот здесь вы его совсем не знаете.

Она поднимается, берёт планшет, но у двери останавливается.

— Не надо ревновать меня к Макару.

Я вскидываю подбородок.

— Я вас не ревную.

— Отлично.

— И вообще не понимаю, почему вы решили, что имеете право говорить со мной об этом.

— Потому что была на вашем месте. Я тоже когда-то была уверена, что Макар раздражает меня исключительно по работе.

Софья выходит, а я несколько секунд смотрю ей вслед. В общем пространстве Софья проходит между столами и направляется к кабинету Макара.

Он открывает дверь раньше, чем она стучит. Софья что-то говорит. Макар отступает, пропуская её внутрь. Она кладёт планшет на его стол так свободно, словно делала это сотни раз.

Я нажимаю кнопку на стене и стекло мгновенно становится матовым. Так лучше: теперь я не вижу бывшую невесту рядом с мужчиной, который мне совершенно безразличен.

И это не ревность. Я просто не люблю, когда кто-то знает о моих чувствах больше, чем я сама.

Глава 13.

Телефон вибрирует.

Сообщение от Орлова:

«Площадку нужно осмотреть сегодня. Ланская предлагает три часа. Подтвердите состав».

Я начинаю набирать ответ: *«Поедут Ланская и представитель моей команды».*

Стираю. Если отправлю сотрудника, Макар решит, что я избегаю Софью. Или его. Или их вместе.

Пишу: *«Буду лично».*

Через несколько секунд приходит сообщение от Макара: *«Не выдержала?»*

Я смотрю на экран.

«Не доверяю твоей бывшей».

Ответ появляется почти сразу:

«Проект или меня?»

«Софье — проект. Тебе — ничего».

Три точки мигают дольше обычного.

«Хорошо. В три едем втроём».

Я откладываю телефон.

Через секунду снова беру.

«Я поеду отдельно».

«Боишься оказаться с нами в одной машине?»

«Боюсь, что твой автомобиль не рассчитан на три взрослых эго».

«У Сони нормальное».

Я перечитываю.. пальцы начинают печатать быстрее, чем нужно.

«Тогда тебе придётся оставить своё в офисе».

Макар отвечает смеющимся смайлом.

Ненавижу смайлы.

Особенно от мужчин, которые знают, что вывели тебя из равновесия.

Я закрываю переписку и заставляю себя открыть финансовую модель. Следующие двадцать минут переставляю цифры, согласовываю оплату подрядчиков и дважды возвращаю юристу договор из-за расплывчатой формулировки ответственности.

Работа постепенно возвращает мне ясность. Пока дверь не открывается и Макар входит без стука.

— Я однажды действительно убью тебя, — говорю я, не поднимая головы.

— Запишем это в план проекта.

— Выйди и постучи.

— У нас срочный вопрос.

— Тогда постучи срочно.

Он закрывает дверь за собой, но выходить не собирается.

— Что Софья тебе рассказала?

Я продолжаю смотреть в ноутбук.

— Спроси у Софьи.

— Спрашиваю у тебя.

— Значит, сегодня у тебя особенно плохо с выбором источников.

Макар подходит к столу.

— Инга.

Я поднимаю голову.

Он стоит напротив, упираясь ладонями в стол. Взгляд тёмный, сосредоточенный. Сейчас в нём нет насмешки, и это меняет всё. С Макаром проще, когда он издевается. Тогда можно отвечать тем же и не задумываться, что скрывается под словами.

— Что? — спрашиваю я.

Он обходит стол. Я поворачиваюсь в кресле, следя за ним.

— Не приближайся.

— Почему?

— Ты знаком с понятием “личное пространство”?

— Мне кажется, проблема не в пространстве.

Он останавливается рядом. Колено почти касается подлокотника моего кресла. Я могу отодвинуться, но за спиной стол, а вставать означает оказаться ещё ближе.

— Ты что-то хотел? — спрашиваю я.

— Узнать, что сказала Софья.

— Что вы собирались пожениться и она ушла от тебя.

Его глаза сужаются.

— Ты рада?

— Чему?

— Что брак не состоялся.

Я поднимаюсь слишком резко. Кресло откатывается и тихо ударяется о тумбу. Теперь мы стоим лицом к лицу.

— Мне безразлично, сколько женщин успело отказаться от сомнительного удовольствия стать твоей женой.

— Пока одна.

— Удивительно низкая статистика.

— Я делал предложение только ей.

Я делаю шаг к нему.

— Вольский... Мне не нужна женщина из твоего прошлого, чтобы захотеть тебя придушить.

— Наконец-то формулировка с глаголом «хотеть».

— Только это слово и услышал?

— Пока да.

Его взгляд скользит по моему лицу и задерживается на губах. Между нами снова появляется то напряжение, которое невозможно объяснить рабочим конфликтом. Оно стягивает кожу на плечах, делает воздух вязким и заставляет следить за каждым движением мужчины.

Он поднимает руку и его пальцы почти касаются пряди у моего виска, но останавливаются. Макар смотрит на меня, оставляя возможность отступить.

Я не двигаюсь.

— Что ты делаешь?

— Проверяю насколько тебе всё равно.

— Убери руку.

— Я тебя не касаюсь.

— Именно это раздражает.

Слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить. Макар замирает. Моя собственная откровенность пугает сильнее его близости. В его глазах вспыхивает что-то тёмное, голодное. Пальцы медленно опускаются.

На этот раз касаются. Он убирает выбившуюся прядь за моё ухо. Простое движение. Почти невинное. Но тело реагирует так, будто мужчина проводит ладонью по голой коже.

Я задерживаю дыхание.

— Так лучше? — спрашивает Макар. Голос становится ниже.

— Нет.

— Отойти?

Я должна сказать «да», но вместо этого смотрю на его губы. Макар наклоняется ближе, но не целует. Останавливается так, что между нашими губами остаётся несколько сантиметров.

Провоцирует.

Ждёт, что решение приму я.

Не дождётся.

— Ты слишком уверен в себе, — шепчу я.

— Ты слишком долго на меня смотришь.

— Выбираю точку удара.

— Здесь?

Его пальцы касаются моей шеи. Не сжимают, только ложатся сбоку, туда, где бешено бьётся жилка.

— Или ниже?

По спине проходит горячая волна.

Я хватаю его за запястье.

— Не играй со мной.

— Я ещё не начинал.

— Тогда не начинай.

— Боишься проиграть?

Я сильнее сжимаю пальцы.

— Боюсь разочароваться.

Макар усмехается, но в его глазах нет веселья.

— Проверь.

В этот момент за стеклянной дверью появляется Софья. Она не стучит, просто останавливается, увидев нас: моя рука на запястье Макара, его ладонь у моей шеи. Расстояние, которое невозможно назвать деловым.

Мы одновременно поворачиваем головы.

Софья смотрит на нас несколько секунд потом спокойно поднимает телефон, показывает экран с открытым расписанием и говорит через стекло:

— В три часа, господа. Постарайтесь закончить борьбу за власть до выезда.

Макар первым отступает.

Его рука скользит с моей шеи, оставляя после себя ощущение, от которого хочется немедленно прикоснуться к этому месту.

— В три едем вместе.

— Я поеду отдельно.

— Нет. Машина заказчика. Один маршрут. Одна встреча.

— Возьми Софью.

— Возьму.

Я чувствую, как внутри мгновенно вспыхивает ярость. Макар наклоняется к моему уху и говорит тихо:

— И тебя тоже, рыжая. Хочу посмотреть, сколько времени ты продержишься рядом с женщиной, к которой совершенно не ревнуешь.

Я поворачиваю голову.

Наши губы снова оказываются слишком близко.

— Предлагаешь пари?

— Ставлю на десять минут.

— Проиграешь.

— Тогда назовёшь настоящую причину, почему она тебя бесит.

— А если проиграешь ты?

— Выполню одно твоё желание.

Я смотрю ему в глаза.

— Любое?

— В разумных пределах.

Он выходит, оставляя меня одну. За стеклом Софья что-то спрашивает. Макар отвечает, забирает у неё планшет и склоняется над экраном. Их плечи почти соприкасаются.

Я медленно считаю до пяти.

В три часа мы поедем втроём. Я буду спокойной, профессиональной и совершенно равнодушной. А после осмотра площадки Макар выполнит одно моё желание.

Глава 14. Одно желание

К трём часам я совершенно спокойна.

Это не самовнушение и не попытка сохранить лицо перед Макаром. За четыре часа я успеваю изучить обновлённую смету Софьи, внести двенадцать правок в схему движения гостей, согласовать с Орловым формат осмотра и убедиться, что Ланская действительно умеет работать.

Профессиональная компетентность женщины не становится меньше только потому, что несколько лет назад она спала с мужчиной, который сейчас действует мне на нервы.

Более того, в данной ситуации Софья вызывает у меня значительно меньше вопросов, чем Макар. Она честно предупреждает о прошлом, не пытается изображать невинную коллегу и не использует совместные воспоминания как способ обозначить территорию.

В отличие от Вольского.

Он появляется возле моего кабинета без пяти три, уже в пиджаке, с ключами от машины в руке.

— Готова?

Я закрываю ноутбук.

— Конечно.

Макар опирается плечом о дверной косяк.

— Ты удивительно быстро вернула себе самообладание.

— Я его не теряла.

Я надеваю пиджак и беру папку.

— Напомню услови

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.